

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.1.157.162>

АНТРОПОМОРФНЫЕ И ЗООМОРФНЫЕ ОБРАЗЫ НА ПРЕДМЕТАХ ЭПОХИ НЕОЛИТА – ЭНЕОЛИТА В СОБРАНИИ КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

©2025 г. А.В. Шипилов

В статье рассматривается комплекс археологических источников, имеющий принадлежность к искусству эпохи неолита и энеолита. Предметы искусства составляют яркую и сравнительно редкую категорию находок на поселенческих памятниках неолита-энеолита Костромского Поволжья. В духовной культуре, верованиях древнего населения Костромского края были широко распространены самые различные образы. Определённое представление о них дают археологические источники неолита-энеолита, находящиеся в собрании Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. На них отображены зооморфные и антропоморфные образы, которые вероятно были распространены в духовной культуре населения Верхнего Поволжья в эпоху камня и раннего металла. Цель этой статьи является пополнение источниковедческой базы по первобытному искусству и духовной культуре древнего населения лесной полосы Восточной Европы.

Ключевые слова: археология, неолит, энеолит, волосовская культура, керамика, Костромское Поволжье.

ANTHROPOMORPHIC AND ZOOMORPHIC IMAGES ON THE NEOLITHIC AND ENEOLITHIC OBJECTS IN THE COLLECTION OF THE KOSTROMA STATE HISTORICAL, ARCHITECTURAL AND ART MUSEUM-RESERVE

A.V. Shipilov

The article deals with a complex of archaeological sources belonging to the art of the Neolithic and Eneolithic periods. Art objects are striking and relatively rare category of finds at the Neolithic–Eneolithic settlement sites in the Kostroma Volga region. A wide variety of images were widespread in the spiritual culture and beliefs of the ancient population of the Kostroma region. The archaeological sources of the Neolithic and Eneolithic, which are in the collection of the Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve, give a definite idea of them. They display zoomorphic and anthropomorphic images, which were probably widespread in the spiritual culture of the population of the Upper Volga region in the era of stone and early metal. The purpose of this article is to replenish the source base on the prehistoric art and spiritual culture of the ancient population of the Eastern Europe forest belt.

Keywords: archaeology, Neolithic, Eneolithic, Volosovo culture, ceramics, Kostroma Volga region.

Предметы искусства составляют яркую и сравнительно редкую категорию находок на поселенческих памятниках неолита-энеолита Костромского Поволжья.

В духовной культуре, верованиях древнего населения Костромского края были широко распространены самые различные образы. Определённое представление о них дают археологические источники неолита-энеолита, находящиеся в собрании Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. На них отображены зооморфные и антропоморфные

образы, которые вероятно были распространены в духовной культуре населения Верхнего Поволжья в эпоху камня и раннего металла.

По манере исполнения, изображения присутствующие на археологических находках условно их можно разделить на две категории: плоскостные и объёмные.

Наиболее древняя объёмная скульптура, находящиеся в собрании Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника относится к эпохе неолита и связана с носителями ямочно-гребенчатой керамики. Она была

обнаружена в ходе археологических изысканий на поселении Станок (рис. 1:1). Это керамическая антропоморфная скульптура высотой 5 и шириной 2,5 см. Туловище её сильно изогнуто, ноги показаны слитно, уплощённым полуovalом, нос сильно выступает вперед, а глаза оформлены двумя защипами. Основной ареал распространения подобных фигурок приходится на территорию Финляндии и Южной Карелии, где они выделены в группу так называемых эмбрионовидных фигурок (Студзицкая, 1985, с. 102).

Фигурку, обнаруженную на поселении Станок (Гурина, 1963, с. 108–138) вполне правомерно отнести к категории крайне редких находок. Число находок эмбрионовидных фигурок в Центральной России крайне ограничено. Близкая по облику находка была получена при исследовании стоянки Тарговище I в Ярославской области (Костылева, Уткин, 2007, рис. 14), сходство прослеживается также с фигуркой происходящей с поселения Вигаинаволоок I в Карелии (Витенкова, 2002, рис. 1: 4). Единичные находки эмбрионовидных фигурок в центральной части лесной полосы России следует рассматривать, вероятно, как результаты культурных контактов населения этой территории с пришельцами из Прибалтики (Студзицкая, 1985, с. 107; Витенкова, 2002, с. 417) или Корелии.

Трактовка любого антропоморфного образа доисторической культуры обычно основана на этнографических данных. Антропологические образы в искусстве неолита лесной полосы Восточной Европы, как правило, сравниваются со скульптурой традиционных обществ охотников и рыболовов Сибири. Так в чукотской среде небольшие куклы были покровителями женского плодородия. Выходя за муж, женщина уносила с собой куклы и прятала их в специальный мешок, хранящийся у изголовья постели, что являлось необходимым условием скорейшего появления детей (Косарев, 2003, с. 106). Руководствуясь именно этнографическими данными, а также принимая во внимание эмбрионовидную, форму представляется правомерным, керамическую фигурку с поселения Станок, с известной долей осторожности, трактовать как воплощение в глиняной пластике оберега, покровителя женского плодородия, духа-охранителя конкретного человека или жилища.

Рис. 1. Предметы искусства неолита и энеолита (в собрании Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника): 1-3 – поселение Станок; 4 – стоянка Борань.

Fig. 1. Neolithic and Eneolithic art objects (in the collection of the Kostroma State Historical, Architectural and Art Museum-Reserve): 1-3 – Stanok settlement; 4 – Boran ancient campsite.

Контекст глиняных фигурок самый разнообразный. Некоторые из них были зафиксированы в заполнении пола жилищ и вблизи очажных зон (Кашина, 2005, с. 27). Принимая этот факт во внимание представляется правомерным принять во внимание версию И. Лозе которая связывает находки глиняных антропоморфных фигурок в Прибалтике с культом домашнего очага (Лозе, 1970, с. 61).

Эмбрионовидная фигурка с поселения Станок имеет принадлежность к носителям керамики ямочно-гребенчатого типа. В хронологическом отношении, принимая во внимание имеющиеся датировки по ямочно-гребенчатой керамике (Выборнов, 2008, с. 244–245), она датируется в пределах V тыс. до н.э.

Вероятно, дальнейшее распространение антропоморфных образов в искусстве населения Костромского Поволжья получает в эпоху энеолита. В пользу этого весьма ярко свидетельствует изображение человека на фрагменте сосуда имеющий принадлежность к волосовской культуре обнаруженный в результате изысканий на стоянке Борань (рис. 1: 4) (Гурина, 1963, с. 87–108). Изображение носит фронтальный характер, ноги и руки человека разведены в разные стороны. Рассматриваемое антропоморфное изображение выполнено, вероятно, посредством вдавлений палочкой по сырой глине. Эту находку без всяких преувеличений следует отнести к категории уникальных, так как к настоящему времени аналогий ей выявить не удалось. Отдельные черты сходства изображению прослеживаются лишь с кремневой антропоморфной фигуркой волосовской культуры происходящей с озера Пирос (Уткин, Костылева, 1996, с. 261, рис. 2:22).

Не меньшего внимания в рассматриваемой коллекции заслуживает орнитоморфная объёмная фигурка, обнаруженная в ходе археологических исследований на поселении Станок (рис. 1: 3). В культурном слое этого памятника она весьма надёжно соотносится с материальными остатками волосовской культуры. Данная находка изготовлена из кремневого отщепы, носит силуэтный характер и по своим морфологическим особенностям напоминает плывущую утку. Её высота составила чуть более 2 см при шире 4 см. С обеих сторон её изображение оформлено плоскостной отжимной ретушью.

Орнитоморфная кремневая скульптурка, происходящая с поселения Станок (Гурина, 1963, с. 108–138), находит широкий круг аналогий на поселенческих и погребальных памятниках имеющие принадлежность к волосово-гаринской культурно-исторической общности. Наиболее близкие аналогии ей прослеживаются с фигуркой, обнаруженной при исследовании Каентубинской островной стоянки (Шипилов, 2015, рис. 3: 1) в Нижнем Прикамье.

Данная находка в хронологическом отношении имеет принадлежность к носителям волосовских культурных традиций. Культ водоплавающей птицы получил широкое распространение в среде населения волосовской культуры. Вероятно, территория

Костромского Поволжья в этом отношении также не стала исключением. Косвенным свидетельством его проявления на рассматриваемой территории весьма выразительно может свидетельствовать фрагмент, лепного волосовского сосуда обнаруженный на стоянке Борань (рис. 1: 2). На его внешней стороне оттисками короткого гребенчатого штампа также изображены водоплавающие птицы (утки) следующие друг за другом.

В хронологическом отношении рассмотренные орнитоморфная кремнёвая фигурка, а также фрагменты посуды с плоскостными антропоморфными и орнитоморфными изображениями на керамике волосовской культуры могут датироваться в пределах IV тыс. до н.э. (Никитин, 2017, с.210–211).

С известной долей осторожности можно предположить, что рассмотренные предметы с орнитоморфными изображениями, обнаруженные в Костромском Поволжье, возможно, могли использоваться в ритуально-обрядовой практике волосовского населения, в том числе и обрядово-погребальной практике.

В пользу культово-ритуального назначения рассматриваемой категории предметов, могут свидетельствовать данные, полученные на сопредельных территориях. Так фигурки птиц были зафиксированы в погребениях Тенишевского (Беговатов, Габяшев, 1984, рис. 7: а) и Мурзихинского II (Чижевский, 2008, рис. 1: 7, 14) могильников, расположенных в Нижнем Прикамье. Существует мнение, что образ птицы в среде древнего населения лесной полосы был связан с представлениями о загробном мире и переселением души (Карабельников, Москвин, 2004, с. 25). Об этом косвенно говорит фигурка птицы с Тенишевского могильника (Спасский район РТ), которая была зафиксирована в области черепа погребённого (Габяшев, 1992, рис. 2: а).

Материалы по этнографии народов Сибири свидетельствуют о том, что голова была местом обитания души-птицы, которая после смерти переселялась в новорождённого и тем самым являлась основой наследования жизни от поколения к поколению (Косарев, 1984, с. 190). Возможно, с такими представлениями о душе связан и известный по фольклорным и историческим данным обычай скальпирования врага у обских угров, как способ уничтожения вражеской души (Чернецов, 1959, с. 137–138).

Культ водоплавающей птицы хорошо прослеживается в мифологии евразийских лесных народов – это основной персонаж в творении всего окружающего мира. Важным источником, подтверждающим большую роль утки, в идеологических представлениях финно-угорских народов, является финский эпос – Калевала. Особый интерес в этом плане имеет первая руна, повествующая о творении неба, земли, и небесных святых из яйца утки (Калевала, 1949, с. 6–7). Несомненно, разрыв времени между существованием создателей Калевалы и неолитическим населением огромен, однако велика и устойчивость традиций.

В хронологическом отношении кремнёвая фигурка и плоскостные изображения на кера-

мике волосовской культуры, происходящая с вышеотмеченных поселенческих памятников, могут датироваться в пределах IV тыс. до н.э. (Никитин, 2017, с. 210–211).

Подводя итог всему выше сказанному следует отметить, что предметы объёмной и плоскостной пластики эпохи неолита и энеолита Костромского Поволжья являют собой яркий и выразительный источниковый материал по искусству и духовной культуре древнего населения. Несомненно, выявление новых находок обогатит и пополнит источниковедческую базу по духовной культуре древнего населения не только в рамках рассматриваемого региона, но и лесной полосы Восточной Европы.

ЛИТЕРАТУРА

- Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. Самара: СГПУ, 2008. 490 с.
- Витенкова И.Ф. Изображения людей и птиц в неолите Карелии // Тверской археологический сборник. Вып. 5 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2002. С. 417–424.
- Габяшев Р.С. Новые материалы с Тенишевского могильника // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ КНЦ, 1992. С. 31–46.
- Габяшев Р.С., Беловатов Е.А. Тенишевский («Сорокин бугор») энеолитический могильник (предварительная публикация) // АЭМК. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1984. С. 63–83.
- Гурина Н.Н. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье (по материалам Горьковской экспедиции) // Труды Горьковской археологической экспедиции: археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.; Л.: АН СССР, 1963. С. 85–203.
- Калевала. Карело-финский эпос / пер Бельского М.: ОГИЗ, 1949. 580 с.
- Кашина Е.А. Антропоморфные изображения из глины в представлении охотников – собирателей лесной зоны Восточной Европы // Труды ГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 24–30.
- Караськов А.В., Москвин А.Ю. К вопросу о культе водоплавающей птицы на европейском Северо-Западе (к двум новым находкам волосовской мелкой пластики из Нижегородской области). Нижний Новгород: Кабинет методов краеведческой работы и развития Нижегородской агломерации, 2004. 40 с.
- Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 302 с.
- Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим данным. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Лозе И. Глиняные фигурки из неолитических стоянок Восточной Прибалтики // СЭ. 1970. № 3. С. 49–61.
- Никитин В.В. На грани эпохи камня и металла. Средневожский вариант волосовской культурно-исторической общности / Материалы и исследования по археологии Поволжья и Урала. Вып. 10. Йошкар-Ола: МарГУ, 2017. 765 с.
- Студзицкая С.В. Изображение человека в мелкой пластике неолитических племён лесной зоны Европейской части СССР // Труды ГИМ. Вып. 60 / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. М.: ГИМ, 1985. С. 100–118.
- Уткин А.В., Костылева Е.Л. Антропоморфные изображения волосовской культуры // Тверской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 1996. С. 259–270.
- Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований / Труды Института этнографии. им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Т. 51 / Ред. С.А. Токарев, В.Н. Чернецов. М.: АН СССР, 1959. С. 114–156.

Чижевский А.А. Погребения эпохи энеолита Мурзихинского II могильника // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 г. Т. I / Отв. ред. О. П. Деревянко, Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 367–371.

Шипилов А.В. Мелкая кремневая пластика Каентубинской островной стоянки // Тверской археологический сборник. Вып. 10. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2015. С. 468–473.

Информация об авторе:

Шипилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); доцент, КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева (г. Казань, Россия); Shipilov_anton@mail.ru

REFERENCES

Vybornov, A. A. 2008. *Neolit Volgo-Kam'ia (The Neolithic Age of the Volga-Kama Region)*. Samara: Samara State Pedagogical University (in Russian).

Vitenkova, I. F. 2002. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 5. Tver: "Triada" Publ., 417–424 (in Russian).

Gabiashev, R. S. 1992. In Starostin, P. N. (ed.). *Arkheologicheskie pamiatniki zony vodokhranilishch Volgo-Kamskogo kaskada (Archaeological Sites in the Area of Water Reservoirs in the Volga-Kama Cascade)*. Kazan: Russian Academy of Sciences, Kazan Scientific Center, G. Ibragimov Language, Literature and History Institute, 31–46 (in Russian).

Gabiashev, R. S., Begovatov, E. A. 1984. In Arkhipov, G. A. (ed.). *Iz istorii kul'tury volosovskikh i anan'inskikh plemen (History of the Culture of the Ananyino and Volosovo Tribes)*. Series: Arkheologiya i etnografiya Mariiskogo kraia (Archaeology and Ethnography of the Mari Land) 8. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature, and History, 63–83 (in Russian).

Gurina, N. N. 1963. In Tretyakov, P. N. (ed.). *Trudy Gor'kovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii: arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego i Srednego Povolzh'ya (Proceedings of the Gorky Archaeological Expedition: archaeological sites of the Upper and Middle Volga region)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR) 110. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 85–203 (in Russian).

Kalevala. 1949. *Karelo-finskiy epos (Karelian-Finnish epic)*. Moscow: "OGIZ" Publ. (in Russian).

Kashina, E. A. 1999. In Belotserkovskaya, I. V. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 145. Moscow: State Historical Museum, 24–30 (in Russian).

Karavelnikov, A. V., Moskvina, A. Yu. 2004. *K voprosu o kul'te vodoplavayushchey ptitsy na evropeyskom Severo-Zapade (k dvum novym nakhodkam volosovskoy melkoy plastiki iz Nizhegorodskoy oblasti) (To the issue of the cult of waterfowl in the European Northwest (on two new finds of Volosovo small plastic art from the Nizhny Novgorod region))*. Nizhny Novgorod: Cabinet of methods of local history work and development of the Nizhny Novgorod agglomeration (in Russian).

Kosarev, M. F. 1984. *Zapadnaya Sibir' v drevnosti (Western Siberia in Antiquity)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Kosarev, M. F. 2003. *Osnovy iazycheskogo miroponimaniia: po sibirskim arkheologicheskim dannym (Foundations of the Pagan Worldview: Based on Siberian Archaeological and Ethnographic Data)*. Moscow: "Ladoga-100" Publ. (in Russian).

Loze, I. 1970. In *Sovetskaia etnografiia (Soviet Ethnography)* (3), 49–61 (in Russian).

Nikitin, V. V. 2017. *Na grani epokhi kamnya i metalla. Srednevolzhskiy variant volosovskoy kul'turno-istoricheskoy obshchnosti (Between the Stone and Metal Periods. Middle Volga Variation of the Volosovo Cultural and Historical Community)*. Series: Arkheologiya Povolzh'ia i Urala. Materialy i issledovaniia (Volga and the Urals Archaeology. Materials and Studies) 10. Yoshkar-Ola: Mari State University (in Russian).

Studitskaya, S. V. 1985. In Merpert, N. Ya. (ed.). *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya (Proceedings of the State Historical Museum)* 60. Moscow: State Historical Museum, 100–118 (in Russian).

Utkin, A. V., Kostyleva, E. L. 1996. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 2. Tver: "Triada" Publ., 259–270 (in Russian).

Chernetsov, V. N. 1959. In Tokarev, S. A., Chernetsov, V. N. (eds.). *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovaniy (Study and materials on the issues of primitive religious beliefs)*. Series:

Trudy Instituta etnografii. im. N. N. Miklukho-Maklaya (Proceedings of the N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography) 51. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 114–156 (in Russian).

Chizhevsky, A. A. 2008. In Derevianko, A. P., Makarov, N. A. (eds.). *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo sezda v Suzdale (Proceedings of the 2nd (18th) All-Russia Archaeological Congress in Suzdal)* I. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 367–371 (in Russian).

Shipilov, A. V. 2015. In Chernykh, I. N. (ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik (Tver Archaeological Collection of Papers)* 10 (1). Tver: Tver State United Museum, 468–473 (in Russian).

About the Author:

Shipilov Anton V., Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev - KAI. 10, K.Marx St., Kazan, 420111, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Shipilov_anton@mail.ru

Статья поступила в журнал 01.12.2024 г.
Статья принята к публикации 01.02.2025 г.